

УДК 903/5(282/247/133)“04/14”
DOI 10.19110/1994-5655-2021-4-13-24

Э.А. САВЕЛЬЕВА

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
НИЖНЕВЫЧЕГОДСКИХ ПЕРМЯН
С НАСЕЛЕНИЕМ ПОВИНЬЯ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНОГО
ОБРЯДА ЧЕЖТЫЯГСКОГО МОГИЛЬНИКА)**

*Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

eleonorasav@yandex.ru

E.A. SAVELYEVA

**ETHNOCULTURAL RELATIONS
OF THE LOWER-VYCHEGDA PERMIANS
WITH THE POPULATION OF THE NORTHERN
DVINA BASIN IN THE MIDDLE AGES
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE FUNERAL RITE
OF THE CHEZHTYYAG BURIAL GROUND)**

*Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktывkar*

Аннотация

В статье на основе анализа погребальной обрядности Чижтыягского могильника XI–XIV вв., относящегося к нижневычегодскому варианту вымской культуры перми вычегодской, прослеживаются этнокультурные контакты с соседними прибалтийско-финскими группами населения, в частности, заволочской чудью. В Заволочье открыты памятники вымской культуры, что свидетельствует о чересполосном проживании соседних групп населения в бассейне Северной Двины, активных внутрорегиональных миграциях.

Ключевые слова:

бассейн Северной Двины, нижняя Вычегода, пермь вычегодская, вымская культура, нижневычегодские могильники, внутримогильные дощатые конструкции, чудь заволочская, прибалтийские финны, внутрорегиональные миграции

Abstract

Funeral rites are one of the most conservative elements of the traditional culture of ancient ethnic groups. One of the characteristic features of the Lower Vychehda variant of the Vym archaeological culture is the plank inter-grave structures – log cabins. At the Chezhtyyag burial ground, they make up 34,2% of all burials. Similar log cabins were found on the burial grounds of neighboring Baltic-Finnish tribes, that allows us to assume that, most likely, the Zavoloch Chud' is part of the Lower Vychehda Komi. Data from related sciences indicate a Baltic-Finnish component in the ethnogenesis of the Komi-Zyryans, especially clearly traced in the contact areas of the Komi-Zyryans and Baltic Finns, in particular on the Lower Vychehda. Sites belonging to the Vanvizdino and Vym cultures of the Komi-Zyryans' ancestors have been discovered in the Northern Dvina basin, inhabited, before the Slavic colonization, by the Baltic Finns, which is the evidence of the cross-lane residence of neighboring population groups, and intensive intraregional migrations.

Keywords:

Northern Dvina basin, Lower Vychehda, Vychehda Perm, Vym archaeological culture, Lower Vychehda burial grounds, intra-grave plank structures, Zavoloch Chud', Baltic Finns, intraregional migrations

Одной из особенностей погребального обряда вымской археологической культуры являются внутримогильные конструкции в виде срубов, что было впервые отмечено А.П. Смирновым [1, с. 207–208]. Как показали дальнейшие исследования, они наиболее характерны для нижневычегодских памятников.

Начало их изучения относится к 20-м гг. прошлого столетия. В 1924 г. преподавателем Усть-Сысольского педагогического техникума профессором А.Н.Греном на нижней Вычегде были частично исследованы могильники Джибъяг и Белый бор (в дальнейшем получивший название Кляныш–Лапта), расположенные на левом берегу р. Вычегды напротив с. Гам Усть-Вымского района Республики Коми [2]. В 1925 г. на могильнике Кляныш–Лапта раскопки проводились экспедицией Главнауки под руководством А.П. Смирнова [3, с. 25–28]. Было вскрыто восемь могил, в которых зафиксированы остатки обугленных срубов из горизонтальных плах, поставленных на ребро, в двух – остатки вертикальных столбиков, скрепляющих стенки сруба. В 1959 г. Г.М. Буровым на могильнике Кляныш–Лапта раскопаны четыре погребения, в одном из которых также были обнаружены остатки обожженного сруба [4, с. 82].

В настоящее время единственным могильником на нижней Вычегде, на котором проведены исчерпывающие раскопки Усть-Вымским отрядом археолого-этнографической экспедиции Сыктывкарского госуниверситета под руководством Т.В. Истоминой, является Чезтыягский. Материалы раскопок пока полностью не введены в научный оборот, за исключением одного уникального погребения [5, с. 127–136]. Т.В. Истомина относит могильник к нижневычегдскому варианту вымской культуры и датирует XI–XIV вв., отмечая, что большинство погребений совершено в XII–XIII вв.

Чезтыягский могильник расположен на левом берегу р. Вычегды, напротив с. Вездино Усть-Вымского района Республики Коми, на оконечности 17-метровой боровой террасы, которая тянется над старичным озером Евты, соединяющимся с Вычегдой протокой (коми название – Евты-вис) в урочище Чезтыяг. Могильник грунтовый, насчитывает 152 погребения, расположенные девятью группами, которые находятся на разном, порой значительном расстоянии друг от друга. Четыре из них компактно на самом возвышенном участке у края террасы, интервалы между которыми составляют 10–30 м (раскопы № 1–4), две группы – в пониженной части террасы, на расстоянии 80–180 м от предыдущих (раскопы № 5–6). На южном краю террасы в 300 м от раскопа № 6 расположена седьмая группа (раскоп

№ 7). На восточном краю боровой возвышенности на небольших всхолмлениях на расстоянии около 450 м от раскопа № 1 выделены еще две группы погребений (раскопы № 8,9) (рис. 1).

Большая часть погребений сосредоточена в наиболее возвышенной части бора, на площади раскопов № 1, 2, 4: раскопе № 1 – 49 погребений, № 2 – 19, № 4 – 16. Исключение составляет раскоп № 3, расположенный рядом с предыдущими, на котором обнаружено три погребения. На раскопе № 5 выявлено 28 погребений, раскопе № 6 – 10, раскопе № 7 – 14, на раскопах № 8 и 9 – 10 и 3 соответственно.

Разделенные разным интервалом группы погребений выделяются на всех могильниках вымской культуры, однако ни на одном из них не фиксируется столь большое количество обособленных групп, разделенных между собой таким значительным интервалом, как на Чезтыягском, на площади около 1 кв. км.

К числу другой особенности Чезтыягского могильника относится значительно большее количество, чем на вымских, погребений в срубках. Их выявлено 52, или 34,2 % от числа всех погребений, тогда как на вымских они составляют около 8 % [6, с. 27]. Наименьшее количество срубков представле-

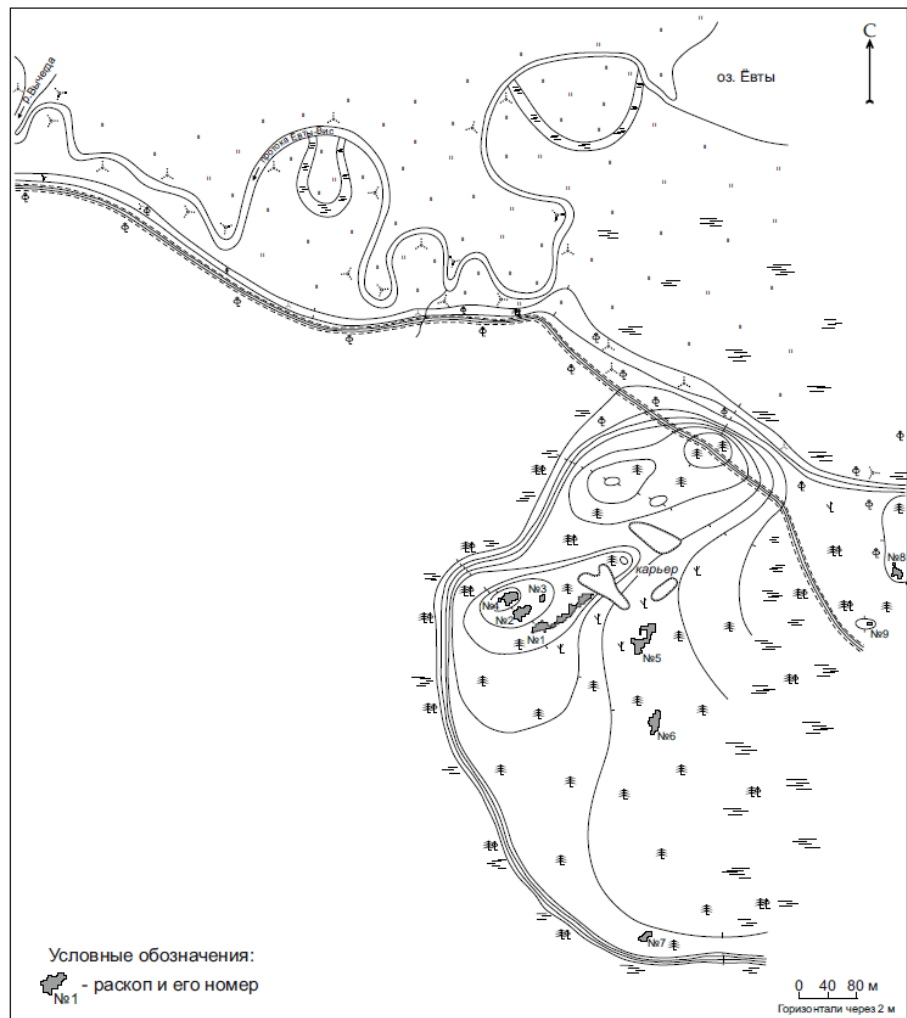

Рис. 1. Чезтыягский могильник. Ситуационный план.
 Fig.1. Chezhtyyag burial ground. Situational plan.

но на Кичилькосьском I могильнике в верховьях Выми, наиболее удаленном от нижневычегодских [7, с.74], на средневычегодских [8, с. 25] и сысольских [9, с. 166–186] они отсутствуют.

На раскопе № 1 из 49 погребений срубы выявлены в семи, что составляет 14,3 %, на раскопе № 2 из 19 – в 16 (84,2 %), на раскопе № 4 из 16 – в девяти (56,3 %). На раскопе № 3 срубы отсутствуют. На раскопе № 5 из 28 погребений срубы обнаружены в семи, что составляет 25 %, на раскопе № 6 из 10 – в трех (30 %), раскопе № 7 из 14 – в девяти (64,3 %), на раскопе № 8 из 10 – в одном. Таким образом, в наиболее возвышенной части бора на раскопах № 1, 2, 4 выявлено 32 погребения в срубах, что составляет 38 % от числа погребений в этих раскопах. Наибольшее количество срубов обнаружено на раскопах № 2 и 7 – 84,2 и 64,3 % соответственно.

Срубы представляют собой конструкцию из четырех плах, поставленных на ребро на дно могилы впритык друг к другу, обернутые берестой (см. фото). Исключение составляет пог. 131, в котором продольные сделаны из бревен. Остатки дощатого дна прослежены в 10 погребениях. Доски, как правило, расположены вдоль продольной оси могильных ям. Плахи толщиной 2–3 см обтесаны с обеих сторон. Вероятно, большинство срубов имело дощатое покрытие дна, но не во всех погребениях оно сохранилось. В редких случаях по остаткам плах удается определить их длину и ширину. Преобладают срубы длиной от 181 до 220 см, шириной от 50 до 75 см, в пяти погребениях ширина превышает 100 см. Выделяются своими размерами пп. 24 и 68, длина их составляет 270 – 300 см, ширина – 110–140 см. Наименьший по размерам сруб зафиксирован в пог. 50 – длиной 108 см, шириной 70 см. В ряде случаев восстанавливается примерная высота плах сруба. Она колеблется от 6–8 см до 36 см, что объясняется разной степенью их сохранности.

Одними из конструктивных особенностей срубов Чезхтыягского могильника являются столбики по углам, сохранившиеся в 17 погребениях. Они расположены в местах соединения плах чаще всего с внутренней стороны, реже – между плахами, а также за ними. Они имеют круглое, прямоугольное и треугольное сечение, нижние концы заострены и вбиты в дно могилы. Высота сохранившихся остатков столбиков составляет от 11 до 40 см. Наиболее вероятно, что высота столбиков и вертикальных плах совпадала и составляла около 40 см.

Абсолютное большинство погребений в срубах совершено способом кремации. Исключение составляют единичные погребения. Так, в пог. 68 в срубe сохранились остатки парного труположения. На вымских могильниках труположения в срубах также единичны. В погребениях со срубами

на вымских могильниках проводилась частичная кремация [6, с. 16, 17], что находит подтверждение и в материалах Чезхтыягского. В них, наряду с кальцинированными, сохранились и сырые и/или обожженные кости. В пог. 60 у западного угла могильной ямы на дне лежали полуобгоревшая косточка, фрагмент сырой кости и фрагмент челюсти, в юго-восточном конце под угольками и недогоревшими плашками от сруба – крупный фрагмент черепа. В некоторых погребениях на дне фиксируется плотный зольный слой коричневого цвета, предположительно, от истлевшего костяка, и масса кальцинированных костей (пп. 98, 100). В пог. 100 выше остатков истлевшего костяка сохранились фрагменты сырых костей, в том числе обожженного черепа. Кальцинированных костей нет ни в могильной яме, ни за ее пределами. В некоторых погребениях в пределах сгоревшего сруба фиксируются только кальцинированные кости, но они расположены не хаотично, как при кремации, за пределами могильной ямы, а в срубe на дне могильной ямы (пог. 91). В пог. 114 они залегают в углисто-зольном слое, соответствующем срубe, черепные кальцинирован-

Фото. Чезхтыягский могильник. Погребение 130 с остатками сруба.
Photo. Chezhtyayag burial ground. Burial 130 with the remains of a log cabin.

ные кости – двумя скоплениями: у северо-западной и северной продольной стенок, вещи, обожженные или оплавившиеся, – на одном уровне с костями.

Все срубы впущены на дно могильной ямы. Исключение составляет пог. 136 (раскоп № 7), в котором сруб расположен сразу под дерном, в верхней части могильной ямы. В нем обнаружены кальцинированные кости, большая часть которых (преимущественно черепных) – в северо-западном углу погребения, как в погребениях, совершенных способом ингумации. Погребение выделяется значительным количеством сопровождающего инвентаря, большая часть которого носит следы воздействия сильного огня, в частности бусы, многие из которых расплавились, спеклись вместе. В то же время сохранились два богатых многочастных сложных украшения, подвешивавшихся к поясу в порядке их расположения в костюме погребенной,

не тронутые огнем. Вероятно, они были положены после совершения кремации.

Традиционно при отсутствии антропологического материала для определения гендерной принадлежности погребенных используется вещевой инвентарь. Основными критериями женских погребений являются украшения, прежде всего стеклянные бусы, фрагменты нередко нескольких керамических сосудов, предметы поясной гарнитуры, бубенчики, пронизки, перстни, подвески, височные кольца. В них встречаются предметы, связанные с бронзолитейным производством, – льячки и их обломки, шлаки, сплески металла, литейные формы (раскоп № 7). К мужским отнесены погребения, содержащие прежде всего предметы вооружения, а также предметы, связанные с кузнечным, бондарно-столярным, кожевенным производствами, и редкие украшения – бронзовые бубенчики, височные кольца, перстни, предметы поясной гарнитуры, единичные стеклянные и бронзовые бусы, фрагменты керамики. И в женских, и мужских погребениях представлены ножи, кресала, оселки, кресальные камни, фрагменты бронзовых котелков, хотя последние более характерны для мужских погребений. В пог. 94, по инвентарю мужском, лежал завернутый в бересту и перевязанный кожаным шнурком серебряный плетеный браслет с шатонами со стеклянными вставками.

В абсолютном большинстве погребений со срубами содержится вещевой инвентарь. Из 52 погребений только одно (пог. 72) – безынвентарное. Выделяется группа погребений с немногочисленным инвентарем – от одного до четырех-пяти пред-

метов (14 погребений), что составляет 27 % от числа погребений со срубами. Более богатый и разнообразный инвентарь представлен в женских погребениях, содержащих десятки бус, бронзовые украшения, фрагменты нескольких керамических сосудов. Как правило, рядом с ними выявлены богатые комплексы вещей от поминальных тризн (пп.115, 136). Рядом с пог. 136 вещи поминальной тризны занимают площадь 6,5 кв. м. В абсолютном большинстве случаев рядом с женскими погребениями содержится “женский” инвентарь, рядом с мужскими – “мужской”. Предположительно определена гендерная принадлежность 47 погребений, из них 30 отнесено к женским (63, 9 %), 17 (36, 1 %) – к мужским.

Погребения располагаются рядами, внутри них выделяются группы, разделенные небольшим интервалом, которые, вероятно, принадлежат членам выделившихся малых семей. В них представлены как погребения в срубах, так и без них.

На раскопе № 1 (рис. 2) из семи погребений в срубах четыре отнесены к женским, три – к мужским. Встречаются группы из трех-четырех женских погребений (пп. 47 – 49, 5 – 8). На раскопе № 2 (рис. 3), за исключением одного мужского, расположенного в стороне от других (пог. 50), и двух не определенных, все погребения в срубах женские. Одно погребение без сруба (пог. 67) находится в одном ряду с женскими погребениями в срубах, содержит бедный инвентарь, судя по размерам, возможно, детское. На раскопе № 4 (рис. 3) погребения в срубах залегают в двух рядах вдоль восточной стенки раскопа. В ряду из восьми погребений выделяются три группы – одна насчитывает три погребения (пп.

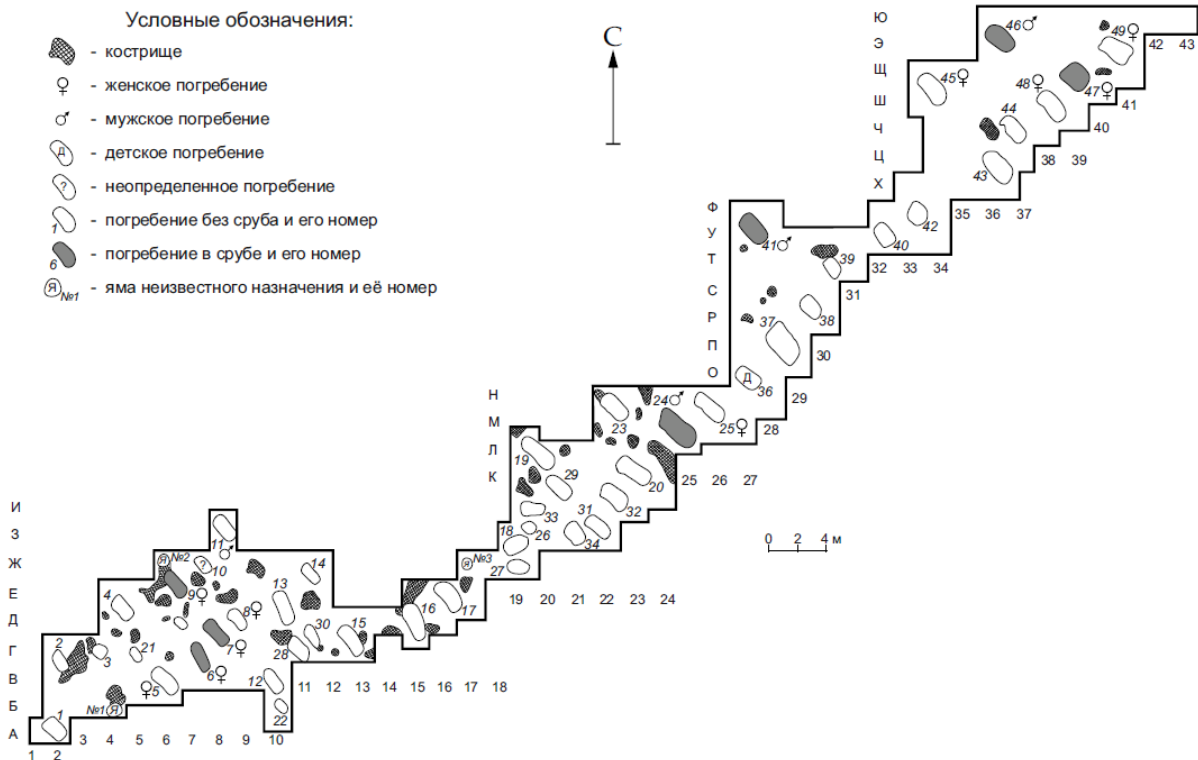

Рис. 2. Чезтыгский могильник. Общий план раскопа № 1.
Fig. 2. The Chezhtyyag burial ground. General plan of excavation No. 1.

73 – 75), одно из них женское (пог. 74), два (пп. 73, 75) – мужские, другая – два погребения без срубов (пп. 76, 77), оба женские, третья – два погребения (пп. 78, 79), оба в срубках, одно женское (пог. 78), второе содержит невыразительный инвентарь. Параллельно этому ряду к северо-западу от него расположены три погребения в срубках (пп. 80, 81, 83), два из них женские (пп. 80, 81), третья, разделенное от предыдущих интервалом 3 м (пог. 83), содержит невыразительный инвентарь. Таким образом, на раскопе № 4 из девяти погребений в срубках три женские, три мужские, три содержат невыразительный инвентарь. На раскопе № 5 (рис. 4) погребения в срубках расположены вдоль восточной стенки раскопа. Выделяются четыре группы погребений, в ко-

торых выявлены срубы. В северо-восточной, включающей три погребения (пп. 102–104), одно (пог. 102, женское) совершено в срубке, содержит богатый инвентарь, в том числе 54 экз. бус. Многочисленные украшения, в том числе бусы, а также керамика найдены и рядом с могильной ямой. Погребения 103, 104 – без срубков, одно из них мужское (пог. 104), второе (пог. 103) – женское. Вторую группу составляют пп. 88, 89, 92, среди них пог. 88 в срубке мужское, пп. 69 и 92 без срубков – женские. В третью группу входят пп. 90, 91, 94, все в срубках, из них два (пп. 90, 94) мужские, пог. 91 содержит невыразительный инвентарь. В третью группу входят пп. 98, 99, оба женские, одно из них в срубке (пог. 98). В юго-восточном углу раскопа на расстоянии около 7 м от

предыдущих расположены два погребения, разделенные между собой расстоянием 4 м (пп. 100, 122), из них одно в срубке (мужское), второе (пог. 122) без срубка – женское. Таким образом, из семи погребений в срубках три женские, четыре мужские, одно содержит невыразительный инвентарь.

Характерной особенностью раскопа № 6 (рис. 5) является разреженность могил. Они разделены между собой интервалом от 3 до 6 м. Погребения в срубках расположены в юго-восточном секторе раскопа (пп. 114–116), из них одно женское (пог. 116), два (пп. 114, 115) – мужские.

На раскопе № 7 (рис. 6) погребения расположены двумя параллельными рядами, внутри которых выделяются группы из двух-трех погребений. Вдоль западной стенки раскопа все погребения совершены в срубках. Первую группу составляют пп. 129–131, из них два (пп. 129, 130) – женские, пог. 131 – предположительно, мужское, выделяющееся среди соседних более крупными размерами, богатым инвентарем, среди которого представлены серебряные изделия, а также обломок железного наконечника стрелы. Богатый инвентарь содержится и в двух женских погребениях (пп. 129, 130). Во второй группе в пог. 128 лежали только три обломка железного предмета, пог. 127 по богатому комплексу вещей поминальной тризны отнесено к женским.

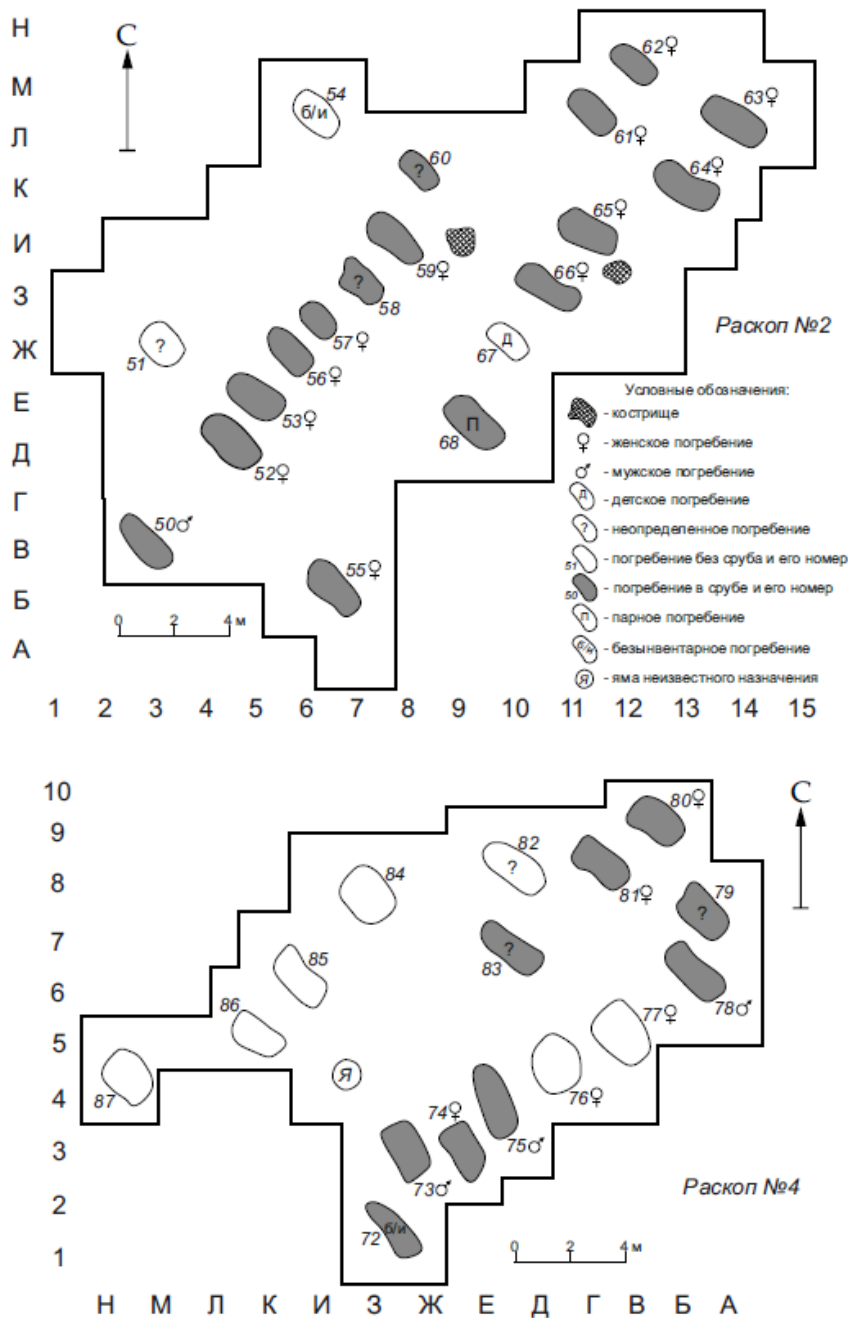

Рис. 3. Чежтыягский могильник. Общий план раскопов № 2 и № 4.
Fig. 3. The Chezhtuyag burial ground. General plan of excavations No. 2 and No. 4.

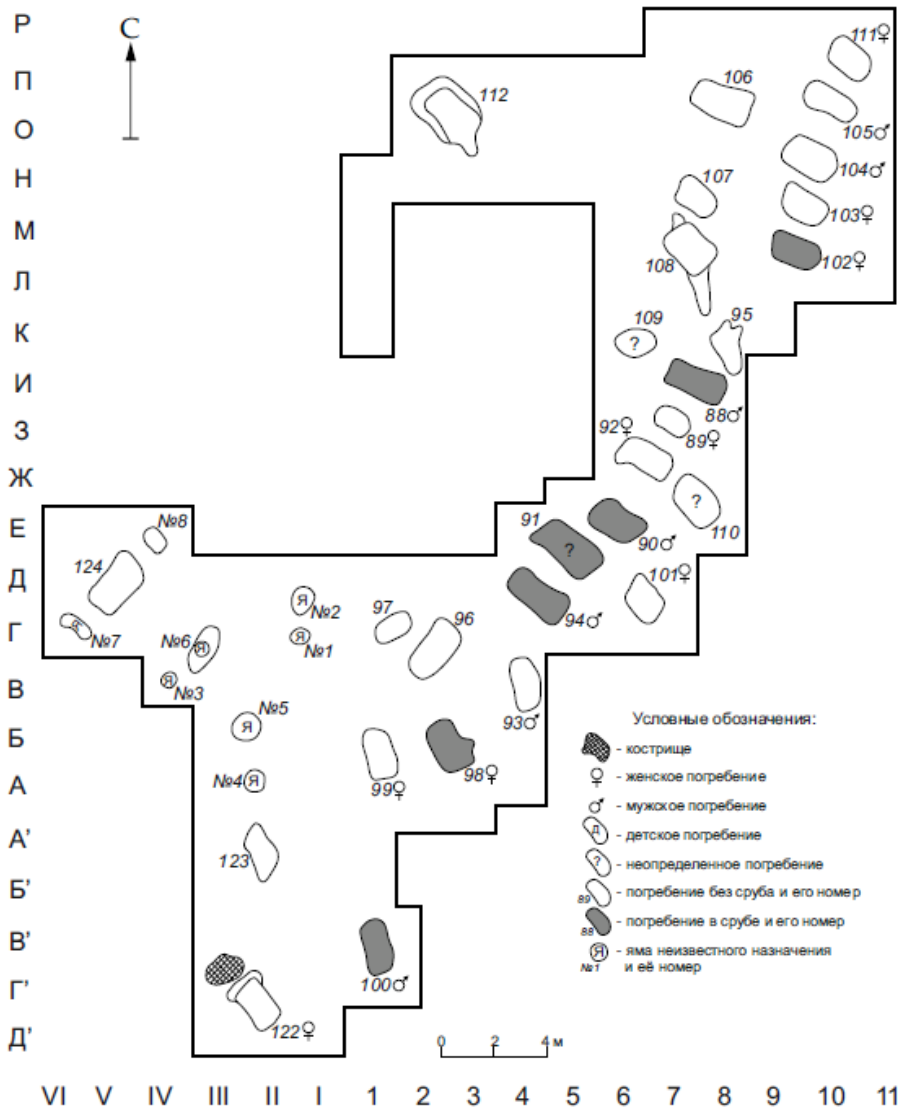

Рис. 4. Чезтыгский могильник. Общий план раскопа № 5.
 Fig. 4. The Chezhtyyag burial ground. General plan of the excavation No. 5.

В соседнем ряду выделяются три группы погребений, включающие по три погребения. В первую входят пп. 137, 126, 136, во вторую – пп. 139, 135, 134, в третью – пп. 138, 133, 132. Погребения 136, 137 в срубках содержат богатый типичный женский инвентарь – многочисленные бронзовые украшения, несколько десятков бус, многосоставные сложные украшения – подвески, фрагменты лепных сосудов. Между этими двумя крупными богатыми женскими погребениями в срубках залегает пог. 126 маленьких размеров (122x75x28) без сруба, в котором представлены украшения, в том числе стеклянные бусы, и керамика. Размеры могильной ямы позволяют высказать предположение о принадлежности его девочке – подростку. Во второй группе центральное место занимает пог. 135 в срубке, более крупных размеров, чем соседние, которое по обилию бронзовых украшений и стеклянным бусам (23 экз.), фрагментам лепных сосудов, относится к женским. По обеим сторонам от него два погребения без срубов (пп. 134 и 139), по обилию украшений, в том числе нескольким десяткам стеклянных бус,

фрагментам лепных сосудов, также женские. Богатый комплекс женских украшений залегал и в кострище между пп. 134 и 135. В третьей группе центральное место занимает пог. 133 в срубке, отличающееся более крупными размерами в сравнении с соседними, по инвентарю относится к женским. Соседние погребения без срубов (пп. 132 и 138) содержат более скромный инвентарь, но по бусам, керамике тоже отнесены к женским.

Выделенные на могильнике обособленные группы погребений, наиболее вероятно, оставлены выходцами из разных поселений и разновременны. Большинство погребений датируется XII–XIII вв. [10, с. 18]. Исключение составляют погребения раскопов № 8 и 9 (см. рис. 1), которые маркируют начало функционирования некрополя и его конечную дату. Они расположены у восточного края могильника. Погребения раскопа № 9, на котором представлено только три погребения, без срубов, по многочастным золотостеклянным бусам Т.В. Истоминой отнесены к XI в. Они ориентированы с С на Ю, тогда как большинство погребений на могильнике имеют промежуточную ориентировку [10, с. 18].

Наиболее поздние погребения расположены на раскопе № 8. Он отличается от остальных преобладанием широтной ориентации, отсутствием рядов, значительным интервалом между погребениями, которые группируются по два. Из десяти погребений только одно (пог. 141) содержит сруб. На этом раскопе, в отличие от предыдущих, преобладают мужские погребения (из десяти – шесть), два – безынвентарные (пп. 142, 146), два – женские (пог. 149, предположительно, пог. 141 беспорно). Обращает на себя внимание и тот факт, что во всех мужских погребениях, за исключением пог. 147, содержатся предметы вооружения (наконечники стрел и копий), что в целом не характерно для Чезтыгского могильника. Погребения этого раскопа датируются XIV в. К датирующим вещам относятся наконечник копья из пог. 140 [10, рис. 10], прямоугольное кресало из пог. 143 [10, рис. 26], бронзовый грушевидный бубенчик с коническим верхом, уплощенной нижней частью с поперечным литейным швом из пог. 141 [10, рис. 16, 1], серьга в виде знака

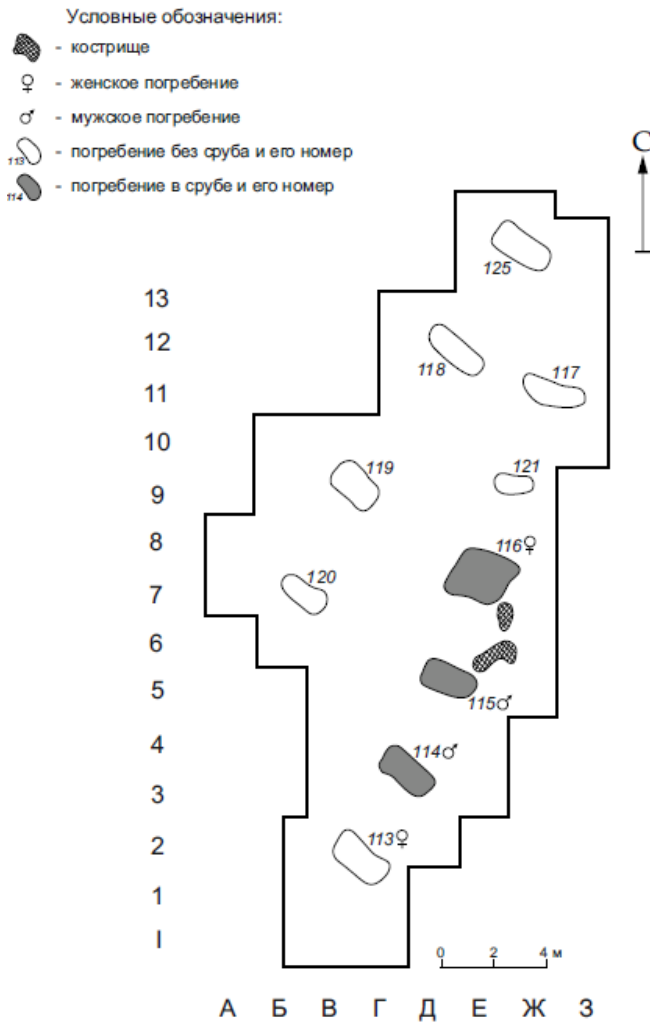

Рис. 5. Чезтыгский могильник. Общий план раскопа № 6.
Fig. 5. The Chezhtyug burial ground. General plan of excavation No. 6.

вопроса [10, рис. 12]. По планиграфии, ориентировке погребений, преобладанию мужских захоронений с предметами вооружения, отсутствию керамики, в целом вещевому инвентарю напрашивается предположение, что они оставлены пришлой группой населения, в культуре которого наиболее ощутимо русское влияние.

Особое место на могильнике занимает раскоп № 7, расположенный изолированно на южном краю могильной площадки. Как отмечено выше, большинство погребений на нем совершено в срубах (из 14 – 9). Кроме того, абсолютное большинство погребений – женские: из 15 погребений только одно, предположительно, мужское (пог. 131). Все погребения имеют промежуточную ориентацию – СЗ–ЮВ. Их характерной особенностью являются содержащиеся в них предметы бронзолитейного производства. Они представлены практически во всех погребениях. В пог. 127 найдены бронзовые ювелирные щипчики, железный стерженек, в пог. 129 – литая форма в комплексе с обломками толстого уплощенного днища сосуда, в пп. 126, 132 – фрагменты льячки. Практически во всех погребениях обнаружены фрагменты толстостенных сосудов с уплощенным дном с тяжелой примесью дресвы, за ис-

ключением одного, все не орнаментированные, рядом с пог. 137 – на обломке такого сосуда сохранились нанесенные ногтем насечки и знак из двух пересекающихся оттисков зубчатого штампа, который, предположительно, рассматривается как тамга [11, рис. 81]. Во многих погребениях (пп. 131, 134, 135, 136), а также в межмогильном пространстве найдены слитки оплавленного металла, бронзовые шарики. На раскопе много богатых погребений, содержащих многочисленные украшения, в том числе по несколько десятков стеклянных бус (пп. 129, 134 – 137), в некоторых – престижные серебряные украшения (пп. 127, 129, 131, 133, 134). Все эти факты позволяют высказать предположение, что на раскопе № 7 похоронены женщины – литейщицы. Этим объясняется и изолированная позиция раскопа на значительном расстоянии от других. Особое место занимает пог. 137, отмеченное, предположительно, по находке в нем обломка железного наконечника стрелы, к мужским. Оно крупнее остальных, расположенных в этом же ряду, и несколько отличается по устройству сруба. Его продольные плахи сооружены не из плах, как во всех других погребениях, а из целых бревен, торцевые стенки – из плах, стоящих на ребре. В восточном углу на дне ямы лежал фрагмент обгоревшей доски не вдоль, а поперек ямы. За плахами сруба сохранился столбик [11, рис. 78]. Кроме обломка наконечника стрелы в погребение положены серебряная прямоугольная скано-зерненная бляшка, рядом – обломок серебряного зерненного шатона для вставки, эллипсоидная бусина с накладными нитями стекла, декор – многократный зигзаг, а также железный нож, два фрагмента бронзовых изделий, три фрагмента лентной керамики, мелкие обломки железных предметов и, как во всех погребениях литейщиц, кусочки оплавленной бронзы [11, рис. 76]. Возможно, человек, погребенный в этой яме, занимал особое место в социальной иерархии женщин-литейщиц.

Своеобразен и вещевой инвентарь погребений этого раскопа. В нем представлены вещи, наиболее характерные для западных соседей вычегодских пермян. К ним относятся, в частности, две бронзовые умбоновидные подвески из пог. 134, к основанию которых прикреплены бубенчики [11, рис. 59, 2, 3]. Наибольшее распространение они имели в Костромском Поволжье и Ладожско-Онежском межозерье, датируются XII–XIII вв. [12, с. 181]. Рядом с пог. 134 среди предметов поминальной тризны найдены бронзовые бочонковидные бусы, орнаментированные кружками, шнуром посредине, характерные для древностей юго-восточного Приладожья (приладожская чудь), корелы, датируются XII–XIII вв. [13, рис. 89; 14, рис. 15, 8,9]. Бронзовая полая подвеска барашек, также происходящая из этого комплекса [11, рис. 18, 2], относится к типу украшений, сформировавшихся в юго-

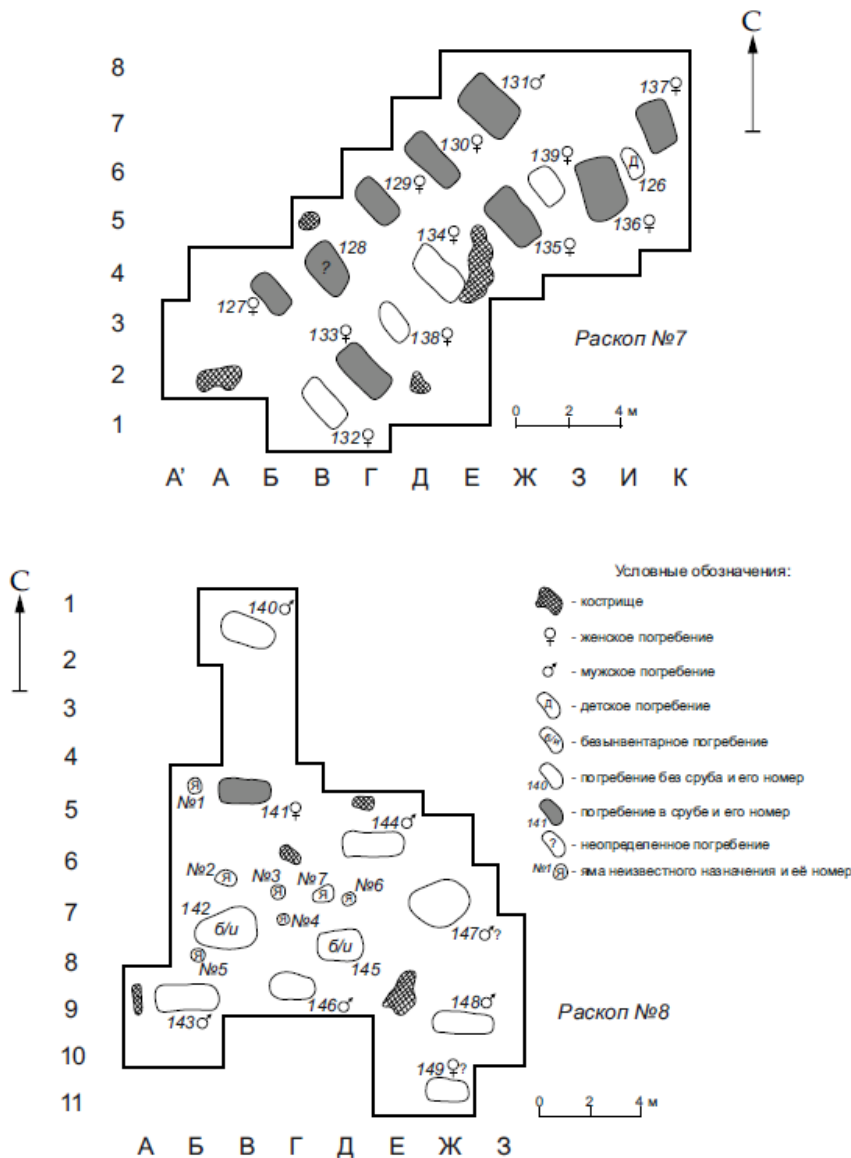

Рис. 6. Чезтыягский могильник. Общий план раскопов № 7 и № 8.
 Fig. 6. The Chezhtyag burial ground. General plan of excavations No. 7 and No. 8.

восточном Приладожье, представлены на памятниках заволочской чуди, датируются XI–XII вв. [15, рис. 3; 12, с. 127]. На вымских могильниках они относятся к XII в. [6, рис. 37]. В Приладожье, в курганах р. Ояти, Паши находят аналогии бронзовый косорешетчатый игольник с арочным навершием [11, рис. 67, 1], датируемый в Новгороде концом XII в. [16, с. 35]. К XII в. относится обломок калачевидного кресала без язычка с гладкой удлиненной пластиной [11, рис. 45, 1; 17, с. 101, рис. 84, 5]. Другие предметы вещевого инвентаря этого раскопа были широко распространены как на памятниках Северной Руси, так и финно-угорских древностях от Приладожья до Камско-Вычегодского бассейна: пронизки – трубчатые со вздутиями, спиралевидные, конусовидные, шаровидные и грушевидные бубенчики, поясные кольца, проволочные височные кольца. Керамика представлена чашевидными сосудами, большая часть которых (70 %) не орнаментирована, что не характерно для вымской культуры. Нижним рубежом погребений на раскопе № 7, основываясь

на дате косорешетчатого игольника, может быть конец XII в., верхним – XIII в., наиболее вероятно, его первая половина.

Среди памятников вымской археологической культуры наибольшее количество погребений в деревянных дощатых погребальных сооружениях отмечается в пограничных с соседними прибалтийско-финскими народами районах. Чаще всего они встречаются на средневековых могильниках, преимущественно в северо-западных областях европейской части России, которые до славянской колонизации были заселены различными прибалтийско-финскими племенами – заволочской чудью, так называемой приладожской чудью, древними карелами, вепсами. Среди них наибольшую территориальную близость нижневычегодским обнаруживают памятники, сопоставляемые с заволочской чудью. Вопросу содержания термина “заволачье” посвящено значительное количество публикаций, что нашло отражение в одной из фундаментальных работ Н.А. Макарова [18, с. 102, 103]. По мнению А.Г. Вдовина [19], историко-географическое понятие “заволачье” менялось на протяжении столетий. В X–XI вв. оно означало только земли в среднем течении Северной Двины, в XII в. распространялось на все Подвинье, а в XIII – XIV вв. включает и Онежский бассейн [19, с. 19]. Не вызывает сомнений факт, что западными соседями нижневычегодских пермян была заволочская чудь.

Большинством исследователей не отрицается ее прибалтийско-финская этническая принадлежность, хотя единства мнений о ее этногенезе нет. Одни исследователи полагают, что она сформировалась в процессе карельско-вепсского симбиоза, другие, не отрицая ее прибалтийско-финскую принадлежность, отмечают ее языковое различие от карел и вепсов. А.К. Матвеев язык заволочской чуди относит к особой северной этнолингвистической группе, занимающей промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками [20, с. 191]. В настоящее время убедительно обоснованной представляется концепция, согласно которой местные этнографические признаки населения Подвинья сложились в условиях традиционного прибалтийско-волжско-финского взаимодействия [21, с. 9; 12, с. 143].

Одним из памятников, сопоставляемых с заволочской чудью в Подвинье, является Корбаль-

ский грунтовый могильник на р. Ваге, датируемый второй половиной XI – первой половиной XII в., на котором из 18 погребений 15 совершено в срубках [22, с. 9, 10; 23, с. 197–210]. Заволочской чудью, по мнению В.А. Назаренко, оставлен Усть-Пуйский могильник в среднем течении Ваги близ устья р. Пуи, на котором также выявлены погребения в срубках, относящиеся к XII – XIII вв., к позднему этапу развития культуры заволочской чуды, осложненной древнерусским влиянием [24, с. 144–147]. Единичные погребения в срубках встречаются и на других могильниках Заволочья, в частности, Нефедьевском, культура населения которого, по мнению Н.А. Макарова, носит смешанный финно-угорско-славянский характер [18, с. 112, 115]. Грунтовый могильник Кузомень II с погребениями в срубках обнаружен на южном берегу Кольского полуострова в Терском районе Мурманской области, датированный XII–XIII вв. Могильник сопоставляется с финнизированными протосаамами, в материальной культуре которых прослеживается влияние верхневолжских и прибалтийских финнов [25, с. 208]. Деревянные срубные рамы встречаются в древнекарельских грунтовых могильниках [14, с. 46–52]. По мнению И.П. Шаскольского, для погребального обряда карел на Карельском перешейке характерны грунтовые погребения в срубках из одного венца [26, с. 42].

Материалы раскопок памятников древней веси на Шексне и Белом озере свидетельствуют о тесных непосредственных контактах вычегодских пермян с западными соседями. Н.А. Макаровым и Н.Н. Чесноковой в верховьях Северной Двины исследовано средневековое поселение Крыловское, в слое которого, датируемом XII в., наряду с древнерусскими гончарными сосудами, обнаружены лепные орнаментированные, характерные для вымской культуры [27, с. 124–126]. По мнению Н.А. Макарова, в целом орнаментальный комплекс керамики Белоозера и Шексны сложился в процессе контактов западно-финского, поволжско-финского населения и пермской группы финно-угров [28, с. 98].

В исторической литературе утвердилось мнение, что западная граница бывшего обитания коми-зырян была значительно западнее современной, предположительно, в районе Сольвычегодска [29, с. 10]. Л.П. Лашук не исключал, что западными соседями коми могли быть и вепсы (или близкие к ним группы), жившие в бассейне Северной Двины, не исключая Пинеги, Сухоны и Нижней Вычегды [30, с. 38]. В процессе древнерусской колонизации граница коми-зырян постепенно сдвигалась к востоку. Благоприятные для земледелия районы постепенно осваивались пришельцами, в культуре которых прослеживаются характерные особенности как прибалтийско-финского, так и славянского населения.

Специфические особенности погребального обряда нижневычегодских могильников, проявляющиеся в значительном количестве погребений в срубках, позволяют предполагать включение в состав местного населения иноэтничных групп, сохранивших свои традиции в материальной и духовной культуре. Это предположение подтверждается данными смежных наук. По мнению А.И. Туркина, прибалтийско-финский компонент в этногенезе ко-

ми-зырян отчетливо прослеживается в северо-и юго-западных районах современного расселения коми-зырян – на Удоре, Нижней Вычегде, Лузе [31, с. 54–67; 32, с. 391–398]. В нижневычегодском диалекте коми языка сохранилось 13 слов из языка заволочской чуды [31, с. 54], больше всего прибалтийско-финские названия представлены по нижнему течению Вычегды и в бассейне Лузы [32, с. 198]. Именно на Нижней Вычегде выявлены своеобразные погребальные памятники с внутримогильными дощатыми сооружениями, в частности, Ленский могильник в Ленском районе Архангельской области [33, с. 91–112], а также Кляньюш–Ластва и Чехтыгский в Усть-Вымском районе Республики Коми. Эти материалы свидетельствуют о тесных этнокультурных контактах вычегодских пермян и прибалтийско-финских групп населения, а также их возможном чересполосном проживании, активных внутрорегиональных миграциях, в значительной мере обусловленных древнерусской колонизацией.

Выражаю искреннюю благодарность Т.В. Истоминой за предоставленную возможность использовать не опубликованные материалы.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
ИФС – Историко-филологический сборник
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМРК – Национальный музей Республики Коми
КП – Каталог поступлений
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

Литература

1. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. 276 с.
2. *Грен А.Н.* Отчет археологической экспедиции 1924 г. в сс. Вожем, Гам и Усть-Вымь. НМРК КП–9820 / 2.
3. Раскопки археологической экспедиции Коми края 1925 г. (*М.Е. Арсакова, Е.М. Витвицкая, А.В. Дмитриевская, Е.Н. Липеровская, В.П. Левашова, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов*) // Записки Общества изучения Коми края; Вып. 1. Усть-Сысольск, 1928. С. 5–28.
4. *Буров Г.М.* Новые данные о могильниках XII–XIV вв. у с. Гам на Нижней Вычегде // ИФС. 1963. Вып. 8. С. 81–88.
5. *Истомина Т.В.* Комплекс погребения 37 Чехтыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: Сб. науч. тр. Сыктывкар, 1992. С. 127–136.
6. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI – XIV вв. Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1987. 200 с.
7. *Савельева Э.А.* Кичилькосьский I могильник. Сыктывкар, 2019. 230 с.

8. *Королев К.С.* Предки коми-зырян на Средней Вычегде. Сыктывкар, 2013. 89 с.
9. *Чеснокова Н.Н.* Жизнь на погосте. Предки зырян ужговских в их современном восприятии и в археологических источниках // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 166–186.
10. *Истомина Т.В.* Отчет о работах Усть-Вымского отряда Археолого-этнографической экспедиции Сыктывкарского госуниверситета в 1999 г. / Архив Музея археологии и этнографии СыктГУ. Ф. 2, д.98. Сыктывкар, 2000. 76 с.
11. *Истомина Т.В.* Отчет о работах Усть-Вымского отряда Археолого-этнографической экспедиции Сыктывкарского госуниверситета в 1998 г. / Архив Музея археологии и этнографии СыктГУ. Ф. 2, д. 96. Сыктывкар, 1999. 73 с.
12. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси (К истории славяно-финских этнокультурных связей). СПб., 1997. 260 с.
13. *Кочкуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Изд-во Карелия, 1989. 348 с.
14. *Кочкуркина С.И.* Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
15. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. САИ; Вып. Е1–60. 1981.124 с.
16. *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.: Изд-во Наука, 1981. 105 с.
17. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // МИА. №65. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.
18. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (По материалам археологических памятников на волках Белозерья и Поонежья). М., 1997. 368 с.
19. *Вдовин А.Г.* Заволочье средневековой русской истории X–XIII вв.: Автореф. дис. канд. истор. наук. Архангельск, 2001. 22 с.
20. *Матвеев А.К.* К проблеме происхождения севернорусской топонимики // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.:Л., 1964.С. 185–192.
21. *Башенькин А.Н.* Некоторые общие вопросы культуры восточной Европы V– XIII вв. // Культура Европейского Севера России. Вологда, 1989. С. 3–21.
22. *Овсянников О.В.* Работы в Вологодской и Архангельской областях // АО 1977 г. М., 1978. С. 9, 10.
23. *Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.* Средневековые памятники чуди заволочской //СА. 1984. №4. С. 197–216.
24. *Назаренко В.А.* Новый памятник заволочской чуди //Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 144–147.
25. *Овсянников О.В., Рябинин Е.А.* Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201–211.
26. *Шаскольский И.П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 41–48.
27. *Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н.* Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии. Сыктывкар, 1992. С.121–127.
28. *Макаров Н.А.* Орнамента белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. 1982. № 2. С. 79–100.
29. *Жеребцов Л.Н.* Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977. 26 с. (Серия препринтов “Научные доклады” / Коми филиал АН СССР; Вып. 31).
30. *Лашук Л.Н.* Формирование народности коми. М. Изд-во Московского университета, 1972. 292 с.
31. *Туркин А.И.* Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народов коми // Проблемы этногенеза коми. Сыктывкар, 1985. С. 54–67.
32. *Туркин А. И.* Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 2014. 498 с.
33. *Савельева Э.А.* Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С. 91–112 (МАЕСВ; Вып 17).

References

1. *Smirnov A.P.* Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzhya i Prikamya [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga and Kama regions] // Materials and research on the archeology of the USSR. 1952. № 28. 276 p.
2. *Gren A.N.* Otchet arheologicheskoy ekspedicii 1924 g.v ss. Vozhem, Gam i Ust'-Vym [Report of the 1924 archaeological expedition to the villages Vozhem, Gam and Ust-Vym]. National Museum of the Komi Republic KP-9820 / 2.
3. *Raskopki arheologicheskoy ekspedicii Komi kraja 1925 g.* [Excavations of the archaeological expedition of the Komi region in 1925] (*M.E. Arsakova, E.M. Vitvitskaya, A.V. Dmitrevskaya, E.N. Liperovskaya, V.P. Levashova, P.A. Dmitriev, A.P. Smirnov*) // Zapiski Obshchestva izucheniya Komi Kraja [Notes of the Society for the Study of the Komi Region]; Issue 1. Ust-Sysolsk, 1928. P. 5–28.
4. *Burov G.M.* Novye dannye o mogilnikah XII–XIV vv. u s. Gam na Nizhnej Vychege [New data on burial grounds of the XII-XIV centuries near the village of Gam on the Lower Vychege] // Historical and philological collection. 1963. Issue 8. P. 81–88.
5. *Istomina T.V.* Kompleks pogrebniya 37 Chezhtyyagского могилника // Problemy finno-ugorskoj arheologii Urala i Povolzhya [The burial complex 37 of the Chezhtyyag burial ground // Problems of Finno-Ugric archeology of the Urals and the Volga Region]: Collection of sci. works. Syktyvkar, 1992. P. 127–136.
6. *Savelyeva E.A.* Vymskie mogilniki XI – XIV vv. [Vym' burial grounds of the XI–XIV centuries]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1987. 200 p.

7. *Savelyeva E.A.* Kichilkoskij I mogilnik [Kichilkos I burial ground]. Syktyvkar, 2019. 230 p.
8. *Korolev K.S.* Predki komi–zyryan na Srednej Vychege [The ancestors of the Komi-Zyryans on the Middle Vychege]. Syktyvkar, 2013. 89 p.
9. *Chesnokova N.N.* Zhizn` na pogoste. Predki zyryan uzhgovskix v ih sovremennom vospriyatii i v arheologicheskix istochnikah // Smert` kak fenomen kultury [Life in the churchyard. The ancestors of the Uzhgov Zyryans in their modern perception and in archaeological sources // Death as a cultural phenomenon]. Syktyvkar, 1994. P. 166–186.
10. *Istomina T.V.* Otchet o raboteah Ust`-Vymskogo otryada Arheologo–etnograficheskoj ekspedicii Syktyvkarskogo gosuniversiteta v 1999 g. [Report on the work of the Ust-Vym team of the Archaeological and Ethnographic expedition of Syktyvkar State University in 1999] /Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Syktyvkar State University. F. 2, D.98. Syktyvkar, 2000. 76 p.
11. *Istomina T.V.* Otchet o rabotah Ust`-Vymskogo otryada Arheologo–etnograficheskoj ekspedicii Syktyvkarskogo gosuniversiteta v 1998 g. [Report on the work of the Ust-Vym team of the Archaeological and Ethnographic expedition of Syktyvkar State University in 1998] / Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Syktyvkar State University. F. 2, D. 96. Syktyvkar, 1999. 73 p.
12. *Ryabinin E.A.* Finno–ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi (K istorii slavyano–finskih etnokulturnyh svyazej) [Finno-Ugric tribes as part of Ancient Russia (On the history of Slavic-Finnish ethno-cultural relations)]. St.Petersburg, 1997. 260 p.
13. *Kochkurkina S.I.* Pamyatniki Yugo_ Vostochnogo Priladozhya i Prionezhya [Sites of the South-Eastern Ladoga and Onega regions]. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1989. 348 p.
14. *Kochkurkina S.I.* Drevnyaya Korela [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka, 1982. 215 p.
15. *Ryabinin E.A.* Zoomorfny'e ukrasheniya Drevnej Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic ornaments of Ancient Russia of the X-XIV centuries] // USSR Archaeology. A set of archaeological sources; Issue E1–60. 1981.124 p.
16. *Sedova M.V.* Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda [Jewelry of Ancient Novgorod]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 105 p.
17. *Kolchin B.A.* Zhelezoobratyvyayushhee remeslo Novgoroda Velikogo // Trudy Novgorodskoj arxeologicheskoy e`kspedicii [Ironworking craft of Novgorod the Great // Proc. of the Novgorod Archaeological Expedition]. Vol. II // Materials and research on the archeology of the USSR. № 65. Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1959. P. 7–120.
18. *Makarov N.A.* Kolonizaciya severnyh okrain Drevnej Rusi v XI–XIII vv. (Po materialam arheologicheskix pamyatnikov na volokah Belozerya i Poonezhya) [Colonization of the northern outskirts of Ancient Russia in the XI-XIII centuries (Based on the materials of archaeological sites on the portages of Belozero and Onega areas)]. Moscow, 1997. 368 p.
19. *Vdovin A.G.* Zavolochye srednevekovoi russkoj istorii (X–XIII vv.) [The Zavoloch area of medieval Russian history (X–XIII centuries): Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Arkhangelsk, 2001. 22 p.
20. *Matveev A.K.* K probleme proishozhdeniya severnorusskoj toponimiki // Voprosy finno–ugorskogo yazykoznanija: Grammatika i leksikologiya [On the problem of the origin of the North Russian toponymy // Problems of Finno-Ugric Linguistics: Grammar and Lexicology]. Moscow: Leningrad, 1964. P. 185–192.
21. *Bashen'kin A.N.* Nekotorye obshhie voprosy kultury vesi V–XIII vv. // Kultura Evropejskogo Severa Rossii [Some general problems of Ves' culture of the V-XIII centuries // Culture of the European North of Russia]. Vologda, 1989. P. 3–21.
22. *Ovsyannikov O.V.* Raboty v Vologodskoj i Arhangel'skoj oblastyah [Works in the Vologda and Arkhangelsk regions] // Archaeological discoveries 1977. Moscow, 1978. P. 9, 10.
23. *Nazarenko V.A., Ovsyannikov O.V., Ryabinin E.A.* Srednevekovye pamyatniki chudi zavolochskoj [Medieval sites of Zavoloch Chud'] // Soviet Archaeology. 1984. №4. P. 197–216.
24. *Nazarenko V.A.* Novyj pamyatnik zavolochskoj chudi //Novoe v arxeologii SSSR i Finlyandii [A new site of the Zavoloch Chud' // New in the archeology of the USSR and Finland]. Leningrad, 1984. P. 144–147.
25. *Ovsyannikov O.V., Ryabinin E.A.* Srednevekovye gruntovye mogilniki Terskogo berega [Medieval underground burial grounds of the Tersk coast] // Soviet Archaeology. 1989. № 2. P. 201–211.
26. *Shaskolsky I.P.* Problemy etnogeneza pribaltijsko–finskih plemen Yugo–Vostochnoj Pribaltiki v svete dannih sovremennoi nauki //Finno-Ugry i slavyane [Problems of ethnogenesis of the Baltic-Finnish tribes of the South-Eastern Baltic States in the light of modern science data // Finno-Ugric and Slavic peoples]. Leningrad, 1979. P.41–48.
27. *Makarov N.A., Chesnokova N.N.* Srednevekovoe poselenie v Ustyuzhskom krae [Medieval settlement in the Ustyug region] // Problems of Finno-Ugric archeology. Syktyvkar, 1992. P. 121–127.
28. *Makarov N.A.* Ornamentika belozerskoj lepnoj keramiki X–XI vv. [Ornamentation of Belozersk stucco ceramics of the X-XI century] // Soviet Archaeology. 1982. № 2. P. 79–100.
29. *Zherebtsov L.N.* Formirovanie etnicheskoy territorii komi (zyryan) [Formation of the ethnic territory of the Komi (Zyryans)]. Syktyvkar, 1977. 26 p. (Series of preprints “Sci. Reports”/ Komi Branch, USSR Ac. Sci.; Issue 31).
30. *Lashuk L.N.* Formirovanie narodnosti komi [Formation of the Komi nationality]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1972. 292 p.
31. *Turkin A.I.* Pribaltijsko–finskij i saamskij komponenty v etnogeneze narodov komi // Problemy etnogeneza komi [The Baltic-Finnish

- and Sami components in the ethnogenesis of the Komi peoples // Problems of ethnogenesis of the Komi]. Syktyvkar, 1985. P. 54–67.
32. *Turkin A.I.* Toponimiya Respubliki Komi [Toponymy of the Komi Republic]. Syktyvkar, 2014. 498 p.
33. *Savelyeva E.A.* Lenskij mogilnik // Pamyatniki epohi kamnya, rannego metalla i srednevekovya Evropejskogo Severo–Vostoka [Lensky burial ground // Sites of the Stone, Early Metal Age and the Middle Ages of the European North-East]. Syktyvkar, 2005. P. 91–112 (Materials on the archeology of the European Northeast; Issue 17).

Статья поступила в редакцию 15.07.2021